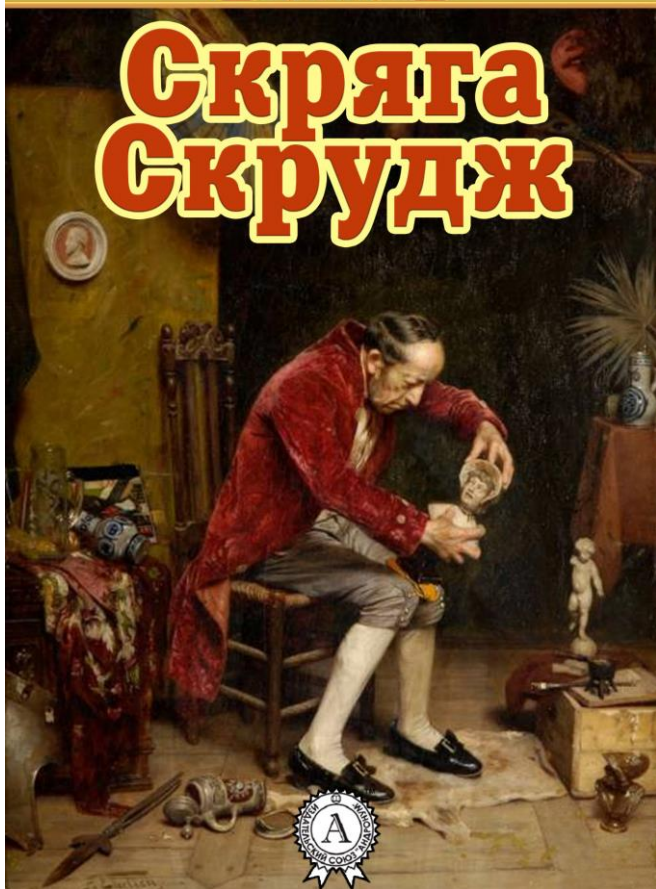

Чарльз Диккенс

**Скряга
Скруддж**

«Скряга Скрудж» — захватывающая повесть знаменитого на весь мир английского писателя Чарльза Диккенса (англ. Charles John Huffam Dickens, 1812–1870).

Эбенезер Скрудж — богатый скупой старик, который не любит никого и ничего, кроме денег. Накануне Рождества он, недовольный всеобщим весельем, неохотно отпускает домой своего клерка, закрывает контору и идет домой спать. Ночью ему является призрак его покойного компаньона, такого же скряги, как и он сам, и то, что он ему показывает, кардинально меняет жизнь Скруджа...

Из-под пера Чарльза Диккенса вышли такие шедевры, как «Наш общий друг», «Блестящая будущность», «Проклятый дом», «Битва жизни», «Колокола», «Сверчок за очагом», «Рассказы», «Очерки Боза», «Очерки лондонских нравов».

Чарльз Диккенс — неподражаемый мастер слова, чей вклад в мировую литературу переоценить невозможно. Его произведения переведены на разные языки мира, а по сюжетам его великолепных романов снято десятки фильмов.

Чарльз Диккенс

Скряга Скрудж

Святочная песнь в прозе

Первая строфа. Призрак Мэрлея

Начнем сначала: Мэрлей умер. В этом не может быть и тени сомнения. Метрическая книга подписана приходским священником, причетником и гробовщиком. Расписался в ней и Скрудж, а имя Скруджа было громко на бирже, где бы и под чем бы ему ни благоугодно было подписаться.

Дело в том, что старик Мэрлей вбит был в могилу, как осиновый кол.

Позвольте! Не подумайте, чтобы я самолично убедился в мертвенности осинового кола: я думаю, напротив, что ничего нет мертвеннее в торговле гвоздя, вколоченного в крышку гроба...

Но... разум наших предков сложился на подобиях и пословицах, и не моей нечестивой руке подобает коснуться священного кивота веков — иначе погибнет моя отчизна...

Итак, вы позволите мне повторить с достоподобною выразительностью, что Мэрлей был вбит в могилу, как осиновый кол...

Спрашивается: знал ли Скрудж, что Мэрлей умер? Конечно, знал, да и как же не знал-то бы? Он и Мэрлей олицетворяли собою торговую фирму.

— Бог весть, сколько уж лет Скрудж был душеприказчиком, единственным поверенным, единственным другом и единственным провожатым мерлевского гроба. По правде, смерть друга не настолько его огорчила, чтобы он, в самый день похорон, не оказался деловым человеком и бережливым распорядителем печальной процессии.

Вот это-то слово и наводит меня на первую мою мысль, а именно, что Мэрлей без сомнения умер, и что, следовательно, если бы не умер он, в моем рассказе не было бы ничего удивительного.

Если бы мы не были убеждены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, никто из нас не обратил бы даже и внимания на то, что господин почтенных лет прогуливается некстати, в потемках и на свежем ветерке, по городскому валу, между могил, с единственной целию — окончательно расстроить поврежденные умственные способности своего возлюбленного сына. Что касается собственно Скруджа, ему и в голову не приходило вычеркнуть из счетных книг имя своего товарища по торговле: много лет после смерти Мэрлея над входом в их общий магазин красовалась еще вывеска с надписью: «Скрудж и Мэрлей». Фирма торгового дома была всё та же: «Скрудж и

Мэрлей». Случалось иногда, что некоторые господа, плохо знакомые с торговыми оборотами, называли этот дом: Скрудж-Скрудж, а иногда и просто — Мерлей; но фирма всегда готова была откликнуться одинаково на то или на другое имя.

О! Скрудж вполне изучил свой ручной жернов и крепко держал его в кулаке, милейший человек — и старый грешник: скупец напоказ, он умел и нажать, и прижать, и поскоблить, а главное — не выпустить из рук. Неподатлив он был и крепок, как ружейный кремьень, — из него же даром и искры не выбьешь без огнива; молчалив был, скрытен и отшельнически замкнут, что устрица. Душевный холод заморозил ему лицо, нащипал ему заостренный нос, наморщил щеки, сковал походку и окислил голос. Постоянный иней убелил ему голову, брови и судорожно-лукавый подбородок. Всегда и повсюду вносил он с собою собственную свою температуру — ниже нуля, леденил свою контору даже в каникулы и, ради самых святок, не возвышал сердечного термометра ни на один градус.

Внешний жар и холод не имели на Скруджа ни малейшего влияния: не согревал его летний зной, не зяб он в самую жестокую зиму; а между тем, резче его никогда не бывало осеннего ветра; никогда и никому не падали на голову так беспощадно, как он, ни снег, ни дождик; не

допускал он ни ливня, ни гололедицы, ни изморози — во всём их изобилии: этого слова Скрудж не понимал.

Никто и ни разу не встречал его на улице приветливой улыбкой и словами: «Как вы поживаете, почтеннейший мистер Скрудж? Когда же вы навестите нас?» Ни один нищий не решился протянуть к нему руки за полушкой; ни один мальчишка не спросил у него: «который час?» Никто, ни мужчина, ни женщина, в течение всей жизни Скруджа не спросили у него: «как пройти туда-то?» Даже собака — вожатый уличного слепца, кажется, — и та знала Скруджа: как только его увидит, так и заведет своего хозяина либо под ворота, либо в какой-нибудь закоулок, и начнет помахивать хвостом, словно выговаривает: «Бедняжка мой хозяин! Знаешь ли, что лучше уж ослепнуть, чем сглазить добрых людей?»

Да Скруджу-то что за дело? Именно этого он и жаждал. Жаждал он пройти жизненным путем одиноко, помимо толпы, с вывеской на лбу: «па — ади — берегись!» А затем — «и пряником его не корми!», как говорят лакомки — дети.

Однажды, в лучший день в году, в сочельник, старик Скрудж сидел в своей конторе и был очень занят. Морозило; падал туман; Скруджу было слышно, как прохожие по переулку свистят себе в кулаки, отдуваются, хлопают в ладоши и

отплясывают на панели трепака, чтобы согреться.

На башне Сити пробило только — еще три часа пополудни, а на дворе было уж совсем темно. Впрочем, и с утра не светало, и огни в соседних окнах контор краснели масляными пятнами на черноватом фоне густого, почти осязательного воздуха. Туман проникал в дома во все щели и замочные скважины; на открытом воздухе он до того сплотился, что, несмотря на узость переулка, противоположные дома казались какими-то призраками. Глядя на мрачные тучи, можно было подумать, что они опускаются ближе и ближе к земле с намерением — задымить огромную пивоварню.

Дверь в контору Скруджа была отворена, так что он мог постоянно следить за своим приказчиком, занятым списыванием нескольких бумаг в темной каморке — нечто вроде колодца. У Скруджа еле-еле тлел в камельке огонь, а у приказчика еще меньше: просто один уголек. Прибавить к нему он ничего не мог, потому что корзинка с угольями стояла в комнате Скруджа, и всякий раз, когда приказчик робко входил с лопаткой, Скрудж предвещал ему, что будет вынужден с ним расстаться. Вследствие сего приказчик обматывал себе шею белым «носопрятком» и пытался отогреться у свечки; но, при таком видимом отсутствии изобретательности,

конечно, не достигал своей цели.

— С праздником, дядюшка, и да хранит вас Бог! — раздался веселый голос.

Голос принадлежал племяннику Скруджа, заставшему дядюшку врасплох.

— Это еще что за пустяки? — спросил Скрудж. Племянник так скоро шел к нему и так разгорелся на морозном тумане, что щеки его пылали полымем, лицо покраснелось, как вишня, глаза заискрились, и изо рта валил пар столбом.

— Как дядюшка: святки — то пустяки? — заметил племянник Скруджа. — То ли вы говорите?

— А что же? — ответил Скрудж. — Веселые святки. Да какое у тебя право — веселиться? Разоряться-то на веселье какое право?.. Ведь и так уж беден...

— Полно же, полно! — возразил племянник. — Лучше скажите мне: какое у вас право хмуриться и коптеть над цифирью?.. Ведь и так — уж богаты.

— Ба! — продолжал Скрудж, не приготовившись к ответу, и к своему «Ба!» прибавил: Всё это — глупости!

— Перестаньте же, дядюшка, хандрить.

— Поневоле захандришь с такими сумасшедшими. Веселые святки! Ну его, ваше веселье!.. И что такое ваши святки? Срочное время — платить по вексялям; а у вас пожалуй, и денег-то

нет... Да ведь с каждым святками вы стареете на целый год и припоминаете, что прожили еще двенадцать месяцев без прибыли. Нет! Будь моя воля, я каждого такого шального, за поздравительные побегушки, приказал бы сварить в котле, — с его же пудингом, похоронить, да уж, заодно, чтобы из могилы не убежал, проткнуть ему грудь сучком остролистника... Это — вот так!

— Дядюшка! — заговорил было племянник, — в качестве адвоката святков.

— Что, племянничек? — строго перебил его дядюшка. — Празднуй себе святки, как хочешь, а уж я-то отпраздную их по-своему.

— Отпразднуете? — повторил за ним племянник.

— Да разве так празднуют?

— Ну, и не надо!.. Тебе я желаю на новый год нового счастья, если старого мало.

— Правда: мне кой-чего не достает... Да нужды нет, что новый год ни разу еще не набил мне кармана, а всё-таки святки для меня святки.

Приказчик Скруджа невольно зарукоплексал этой речи из известного нам колодца; но, поняв всё неприличие своего поступка, бросился поправлять огонь в камельке и затушил последнюю искру.

— Если вы еще затушите, — сказал ему Скрудж, — вам придется праздновать святки на другом месте. А вам, сэр, прибавил он,

обратившись к племяннику, я должен отдать полную справедливость: вы — превосходный вития и напрасно не вступаете в парламент.

— Не сердитесь, дядюшка: будет! Приходите к нам завтра обедать.

Скрудж ему ответил, чтобы он пошёл к... Право: так и сказал, всё слово выговорил, — так-таки и сказал: пошёл... (Читатель, может, если заблагорассудит, договорить слово).

— Да почему же, вскрикнул племянник? Почему?

— А почему ты женился?

— Потому что влюбился.

— Любовь! — пробормотал Скрудж, да так пробормотал, как будто бы, после слов «новый год», «любовь» было самым глупым словом в мире.

— Послушайте, дядюшка! Ведь вы и прежде никогда ко мне не заходили: причем же тут моя женитьба?

— Прощай! — сказал Скрудж.

— Я от вас ничего не желаю, ничего не прошу: отчего же нам не остаться друзьями?

— Прощай! — сказал Скрудж.

— Я истинно огорчен вашей решимостью... Между нами, кажется, ничего не было... по крайней мере, с моей стороны... хотелось мне провести с вами первый день, — ну? что ж делать! я всё-таки повеселюсь — и вам того же желаю.

— Прощай! — сказал Скрудж.

Племянник вышел из комнаты, ни полусловом не выразив своего неудовольствия; но остановился на пороге и поздравил с наступающим праздником провожавшего его приказчика, а в том, несмотря на постоянный холод, было всё-таки больше теплоты, чем в Скрудже. Поэтому он отвечал радушно на приветствие своего поздравителя, так что Скрудж услышал его слова из своей комнаты и прошептал:

— Вот, еще дурак-то набитый! Служит у меня приказником; получает пятнадцать шиллингов в неделю; на руках жена и дети; а туда же — радуется празднику!.. Ну, как же не сам напрашивается в дом сумасшедших?

В это время набитый дурак, проводив племянника Скруджа, ввел за собою в контору двух новых посетителей: оба джентльмена казались крайне порядочными людьми, с благовидной наружностью, и оба при входе сняли шляпы. В руках у них были какие-то реестры и бумаги.

— Скрудж и Мэрлей, кажется? — спросил один из них с поклоном и поглядел в список. — С кем имею удовольствие говорить: с мистером Скруджем или с мистером Мэрлеем?

— Мистер Мэрлей умер семь лет тому, — ответил Скрудж. — Ровно семь лет тому умер, именно в эту самую ночь.

— Мы не сомневаемся, что великодушие

покойного нашло себе достойного представителя в пережившем его компаньоне! — сказал незнакомец, предъявляя официальную бумагу, уполномочивавшую его на собрание милостыни для бедных.

Сомневаться в подлинности этой бумаги было невозможно; однако же, при досадном слове «великодушие» Скрудж нахмурил брови, покачал головой и возвратил своему посетителю свидетельство.

— В эту радостную пору года, мистер Скрудж, — заговорил посетитель, взяв перо, — было бы всего желательнее собрать посильное пособие бедным и неимущим, страдающим теперь более чем когда-нибудь: тысячи из них лишены самого необходимого в жизни; сотня тысяч не смеют и мечтать о наискромнейших удобствах.

— Разве тюрьмы уже уничтожены? — спросил Скрудж.

— Помилуйте, — отвечал незнакомец, опуская перо. — Да их теперь гораздо больше, чем было прежде...

— Так, стало быть, — продолжал Скрудж, — приюты прекратили свою деятельность?

— Извините, сэр, — возразил собеседник Скруджа, — дай-то Бог, чтобы они ее прекратили?

— Так человеколюбивый жернов всё еще мелет на основании закона?

— Да! И ему, и закону много еще дела.

— О!.. А я ведь подумал было, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало существованию этих полезных учреждений... Искренно, искренно рад, что ошибся! — проговорить Скрудж.

— В полном убеждении, что ни тюрьмы, ни приюты не могут христиански удовлетворить физических и духовных потребностей толпы, несколько особ собрали по подписке небольшую сумму для покупки бедным, ради предстоящих праздников, куска мяса, кружки пива и пригоршни угля... На сколько вам угодно будет подписаться?

— Да... ни на сколько! — ответил Скрудж.

— Вам, вероятно, угодно сохранить аноним.

— Мне угодно, чтоб меня оставили в покое.

Если вы, господа, сами спрашиваете, чего мне угодно, вот вам мой ответ. Мне и самому праздник — не радость, и не намерен я поощрять бражничанья каждого тунеядца. И без того я плачу довольно на поддержку благотворительных заведений... т. е. тюрем и приютов... пусть в них и поступают те, кому дурно в ином месте.

— Да ведь иным и поступать туда нельзя, а другим умереть легче.

— А если легче, кто же им мешает так и поступать, ради уменьшения нищенствующего народонаселения? Впрочем, извините меня — всё

это для меня — темная грамота.

— Однако же вам ничего не стоит ей поучиться?

— Не мое дело! — возразил Скрудж. — Довлеет дневи злоба его. А у меня собственных дел больше, чем дней. Позвольте с вами проститься господа!..

Поняв всю бесполезность дальнейших настояний, незнакомцы удалились.

Скрудж опять уселся за работу в самодовольном расположении духа.

А туман и потемки всё густели да густели, так что по улицам засверкали уже светочи, предназначенные узводить извозчичьих коней и наставлять их на правые пути. Старая колокольня с нахмуренным колоколом, постоянно наблюдавшим из любопытства в свое готическое окно, контору Скруджа, вдруг исчезла из вида и стала трезвонить уже в облаках четверти, получасия и часы. Мороз крепнул.

В углу двора несколько работников поправляли газопроводные трубы и разогрели огромную жаровню; кругом теснилась целая толпа мужчин и оборванных ребятишек: они с наслаждением потирали себе руки и щурились на огонь. Кран запертого фонтана обледенел так, что смотреть было противно.

Газовые лампы магазинов озаряли ветки и

ягоды остролистника и бросали красноватый отблеск на бледные лица прохожих. Мясные и зеленые лавки сияли такую роскошью, представляли такое великолепное зрелище, что никому бы и в голову не пришло соединить с ними идею расчета и барыша. Лорд-мэр в своей крепости Mansion-House отдавал приказы направо и налево, как и подобает лорд-мэру в сочельник, своим пятидесяти поварам и пятидесяти ключникам. Даже бедняга портной (не далее как в прошлый понедельник подвергнутый денежной пене в пять шиллингов за пьянство и буянство на улице), даже и тот принялся на своем чердачке хлопотать о завтрашнем пудинге, и тощая его половина с тощим сосунком на руках отправились на бойню купить необходимый кусок говядины.

Между тем, туман становится гуще и гуще, холод живее, жестче, пронзительнее. Вот он крепко ущипнул за нос уличного мальчишку, тщедушного, обглоданного голодом, как кость собакой: владелец этого носа прикладывает свой глаз к замочной скважине скруджской конторы и начинает Христа славить, но при первых словах:

Господи, спаси вас,
Добрый господин!

Скрудж так энергично схватывает линейку,

что певец, в ужасе, отбегает со всех ног, покидая замочную скважину в добычу тумана и мороза, а они тотчас же врываются в комнату... конечно, из сочувствия к Скруджу...

Наконец пора запереть контору: Скрудж угрюмо сходит со своего табурета, словно подавая молчаливый знак своему приказчику убираться скорее вон: приказчик мгновенно тушит свечу и надевает шляпу.

— Предполагаю, что завтра вы целый день останетесь дома? — спрашивает Скрудж.

— Если это вам удобно, сэр.

— Нисколько это мне неудобно, да и вообще, с вашей стороны несправедливо. Если бы за завтрашний день я удержал из вашего жалованья полкроны, я уверен — вы бы обиделись?

Приказчик слегка улыбнулся.

— А между тем, — продолжал Скрудж, — вы не сочтете в обиду для меня, что я должен вам платить за целый день даром.

Приказчик заметил, что это случается только один раз в год.

— Плохое оправдание и плохой повод — запускать руку в чужой карман каждое 25 декабря, — возразил Скрудж, застегивая пальто до самого подбородка. — Тем не менее, я полагаю, что вам нужен целый завтрашний день: постарайтесь же вознаградить меня за него послезавтра и как

можно пораньше.

Приказчик обещал, и Скрудж, ворча себе под нос, вышел из дома. Контора была заперта во мгновение ока, и приказчик, скрестив оба конца «носопрята» на жилете (сюртук он считал роскошью) пустился по Корнгильской панели, поскользнувшись раз двадцать вместе с толпой мальчишек, то и дело падавших в честь сочельника. Во весь дух добежал он до своей квартиры к «Кэмден-тоуне», чтобы поспеть на жмурки ¹. Скрудж уселся за скудный обед в своей обычной грошовой харчевне. Перечитав все журналы и очаровав себя, к концу вечера, просмотром своей счетной книжки, он отправился на ночевку домой. Занимал он бывшую квартиру своего покойного сотоварища; длинный ряд темных комнат в старинном, мрачном здании, на самом конце закоулка. Бог весть, как оно туда попало? Так и казалось, что смолоду оно играло в прятки с другими домами, спряталось, да потом и не нашло дороги. Ветхо оно было и печально, потому что кроме Скруджа в нем никого не жило: остальные квартиры были заняты разными конторами и бюро. Двор был до такой степени темен, что сам Скрудж,

---

¹ Игра в жмурки составляет к Англии необходимую принадлежность сочельника и вообще всех святок.

хоть и знал наизусть каждую плиту, должен был пробираться ощупью. Холод и туман крепко прижались к старой входной двери, — и вы бы подумали, что на ее пороге присел гений зимы, погруженный в грустные размышления.

Факт один, что в дверном молотке не было ничего замечательного, кроме непомерной величины; другой факт тот, что Скрудж видал этот молоток ежедневно, утром и вечером, с тех самых пор, как поселился в доме; что при всём этом Скрудж обладал так называемым воображением менее даже корпорации нотэблей и альдерменов ². Не следует также забывать, что, в течение целых семи лет, значит как раз со дня смерти Мэрлея, Скрудж ни разу не подумал о покойнике. Объясните же мне, пожалуйста, если можете: каким образом случилось, что Скрудж, повертывая ключ в замке, своими глазами увидал на месте дверного молотка лицо Мэрлея? Истинно говорю вам: лицо Мэрлея! Оно не было непроницаемой тенью, как все остальные предметы на дворе, напротив: оно светилось каким-то синеватым блеском, подобно гнилому морскому раку в темном погребке. В выражении его не было ничего гневного и свирепого: Мэрлей глядел на Скруджа — как и

---

² Т. е. представителей всевозможных цехов и гильдий.

всегда, приподняв призрак очков на призрак лба. Волосы его шевелились на голове как будто от какого-то дуновения, или от горячего пара; Мэрлей глядел во все глаза, но они были неподвижны. Это обстоятельство и синеватый цвет кожи приводили в ужас, хотя ужас Скруджа происходил не от мертвенного выражения лица, а, так сказать, от самого себя.

Пристально взглядевшись в это явление, Скрудж снова увидел один только дверной молоток. Мы бы погрешили перед совестью, если бы сказали, что Скрудж не ощутил ни дрожи, ни страшного, дотоле незнакомого ему волнения в крови. Однако он быстро повернул ключ, вошел в комнату и зажег свечу. На мгновение он остановился в нерешительности и, прежде чем запереть дверь, поглядел, нет ли за ней кого, словно боялся, что вот-вот покажется в сенях тонкий нос Мэрлея. Но за дверью не было ничего, кроме гаек и винтов, придерживавших изнутри дверной молоток. «Ба! Ба!» сказал Скрудж и сильно захлопнул дверь.

По всему дому прошел громовой гул. Каждая комната наверху и каждая бочка внизу, в винном погребе, приняли особенное участие в этом концерте эха. Скрудж был не из таковских, чтобы пугаться эха: крепко запер дверь, прошел сенями и стал подниматься на лестницу, поправив на дороге свечу.

Вы мне станете рассказывать о старинных, блаженной памяти, лестницах, по которым могла бы проехать карета в шесть лошадей рядом, или пройти процессия с одним из маленьких парламентских дел, а я вам скажу, что лестница Скруджа была нечто иное: по ней можно было провести дроги поперек, так, чтобы один конец был обращен к стене, а другой к перилам, и это ничего бы не значило, пожалуй, ещё место бы осталось. По самой этой причине Скруджу и показалось, что перед ним в темноте поднимается по лестнице погребальное шествие. Полдюжины уличных газовых рожков едва ли могли бы осветить достаточно сени: можете же представить себе, какое яркое сияние разливала свечка Скруджа!..

Он поднимался как ни в чем не бывало: ведь темнота ничего не стоит, а потому Скрудж и не чувствовал к ней никакого отвращения. Но прежде всего, войдя к себе, он осмотрел все комнаты, видимо, беспокоимый воспоминанием о таинственном лице.

Гостиная, спальня и кладовая оказались в порядке. Никого не было под столом, никого под диваном; комелек тлился и нагревал кастрюлю с кашцей (у Скруджа был насморк); никого не было также и в спальне под постелью, и в кладовой; никто не спрятался за висевшим на стене халатом. Вполне успокоившись, Скрудж запер дверь на